ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ СТЕПЯХЪ БЕССАРАБСКИХЪ.

Пріобрѣтеніе Бессарабіи сколь важно для отечества нашего, по существеннымъ выгодамъ сей области: по богатству ея почвы, величинѣ рѣкъ, по выгодамъ скотоводства, по удобности ея портовъ, и потому, что она составила лучшую и надежнѣйшую границу между Россійскою и Турецкою Имперіею;—но драгоцѣннѣе еще тѣмъ, что она заключаетъ въ предѣлахъ своихъ памятники славы Россійскаго воинства. Бессарабія была колыбелью, училищемъ всѣхъ великихъ Полководцевъ нашихъ и театромъ важнѣйшихъ происшествій. Здѣсь побѣдитель Полтавскій, на берегахъ Прута, испытавъ жестокое вѣроломство, и въ самомъ

несчастіи показалъ тотъ духъ постоянства, мужества и любви къ отечеству, кои содѣлали его величайшимъ изъ Монарховъ и Героевъ. Здѣсь прославились Минихъ, Голицынъ, Панинъ, Репнинъ, Каменскіе, Багратіонъ, Прозоровскій; на поляхъ здѣшнихъ образовались и содѣлались безсмертными — Румянцовъ, Суворовъ и Кутузовъ. Здѣсь Потемкинъ, сей любимецъ счастія—раскрылъ свои необыкновенныя дарованія и погасъ навѣки! Сколько священныхъ воспоминаній для Русскаго заключаютъ обширныя пустыни сіи! Какое сердце Русское не вострепещетъ при именахъ *Рябой могилы*, *Бендеръ*, *Измаила*, *Хотина*, *Кагула!* Сколько Русской крови пролито въ степяхъ сихъ для славы, для величія отечества нашего? Я объѣхалъ сію классическую землю, я преклонялъ колѣна предъ священными сими памятниками.

Бессарабія не менѣе богата свидѣтельствами древнихъ и среднихъ вѣковъ. *Траяновъ валъ*, *источникъ Овп-*

Дневъ, *Акерманъ*, *Татаръ-Бунаръ*, *Килія*—носятъ на себѣ печать разрушеній Римскаго величія и богатства Генуэзской республики. Близъ Бендеръ у деревни Варницъ видны еще остатки *лагеря* или города, въ коемъ скрывался высокомѣрный, отчаянный Карлъ XII, послѣ Полтавскаго пораженія. *Кацманы*, бывшая столица Татарскаго Царства, представляетъ паденіе сего грознаго, могущественнаго народа. *Красный лѣсъ*, на берегахъ Днѣстра, припоминаетъ величіе Молдавское во времена Стефана Великаго, и проч. и проч. Пройдемъ сіи достопамятности съ нѣкоторою подробностію.

* * *

Траяновъ валъ пересѣкаетъ Бессарабію почти по поламъ, въ косвенномъ направленіи отъ Дуная до Днѣстра, и раздѣляется при началѣ своемъ на два параллельные рукава. Въ иныхъ мѣстахъ валъ сей возвышается до сажени: сіе доказываетъ, что первоначально онъ былъ большой высоты. Никто

изъ историковъ, упоминающихъ о Траяновомъ валѣ, не объясняетъ предмета, для коего онъ былъ проведенъ; но вѣроятно, что Траянъ, побѣдивъ Даковъ и Гетовъ и присоединивъ земли ихъ, составляющія нынѣ Молдавію и Бессарабію, къ Римской Имперіи, желалъ грядущимъ вѣкамъ оставить рубежъ побѣдъ своихъ и вмѣстѣ оградить сею стѣною, подобно Китайской, переселенцовъ и ветерановъ, коимъ онъ роздалъ земли сіи, отъ набѣговъ Скифовъ, Сарматъ и другихъ воинственныхъ варваровъ. Недалеко отъ Татаръ-Бунара есть конусный курганъ, къ коему примыкаетъ сей валъ съ обѣихъ сторонъ. Насыпь сія объясняетъ, кажется, лучше всѣхъ другихъ догадокъ, что курганы, разсѣянные во множествѣ по ровнымъ степямъ здѣшнимъ, дѣлались для передовыхъ стражъ и сигналовъ, когда вся земля сія, по образу жизни ея обитателей и частымъ войнамъ и набѣгамъ, составляла воинскій станъ. Въ сей насыпи вырылъ недавно одинъ

Булгаринъ до трехъ сотъ Римскихъ монетъ и нѣсколько золотыхъ колецъ, коими отличалась Римская кавалерія отъ пѣхоты (*).

* * *

Въ 20 верстахъ отъ Акермана находится небольшое озеро, извѣстное подъ именемъ *Овидіева*; въ него впадаетъ, извиваясь чрезъ розовые кусты, быстрый источникъ, называющійся также Овидіевымъ. Извѣстно, что Овидій, коего память любезна всѣмъ поэтамъ

(*) Мнѣ сказывали, что нѣкоторые люди промышляютъ рытьемъ кургановъ и ходятъ для сего не только по всей Малороссіи, но по здѣшнему краю и по Сибири. Они, говорятъ, узнаютъ по виду, курганы, въ коихъ находятся какія нибудь металлическія сокровища; и, по странному замѣчанію, избираютъ для того всегда седьмой валъ къ Востоку отъ большаго. Желательно, чтобъ правительство, или общество древностей изслѣдовало сіе обстоятельство сколь можно вѣрнѣе и недопустило бы вещамъ расходиться по частнымъ рукамъ и истребляться.

и влюбленнымъ, былъ сосланъ въ дикія пустыни Гетскія — въ *Czitate alba*, (Акерманъ). И отсюда скоро удалился поэтъ въ безмолвное лоно Природы, на берегъ небольшаго озера, гдѣ все питало его горесть и несчастную любовь, гдѣ все согласовалось съ мрачнымъ его воображеніемъ и вдыхало ту томную меланхолію, которая разлита во всѣхъ его твореніяхъ. Можетъ быть подъ сѣнію сего древняго тополя стояла хижина знаменитаго изгнанника; можетъ быть страдалецъ отсюда, сидя на этомъ мшистомъ камнѣ, обнималъ взоромъ зеркальныя воды озера, и въ таинственныхъ тѣняхъ, бродящихъ въ сумеркахъ по окружнымъ холмамъ—сладкимъ гласомъ вдохновенной лиры привѣтствовалъ призракъ обожаемой имъ Юліи; здѣсь, безъ сомнѣнія, онъ забывалъ, презиралъ обманчивое счастіе Двора. Мѣсто сіе достойно памятника, который бы поддержалъ преданіе, могущее безъ того утратиться. Во мно-

гихъ Молдавскихъ хроникахъ упоминается объ немъ; между прочимъ въ одномъ сказано слѣдующее: „Пришекъ съ береговъ Тибра мужъ, имѣющій нѣжность младенца и доброту старца. Онъ непрестанно вздыхаетъ и часто говоритъ самъ съ собою; но когда обращаетъ рѣчь свою къ кому нибудь—то, кажется, медъ изливается изъ устъ его!“— Ссылаясь на III книгу, 2 Элегію, гдѣ Овидій говоритъ: Nam dictici Getice Syrmaticeque loqui, т. е. я научился въ ссылкѣ говорить по-Гетски и по-Сармацски.“—Молдавскіе историки толкуютъ, что онъ говорилъ ихъ языкомъ; а находя въ 13 его Элегіи слѣдующій стихъ:

.... scripti getico sermone cibellum,
Structaque sunt nostris barbara verba modis
.... Coepique poetae
Inter ihumanos nimen habere Getas (*).

(*)„ Я написалъ Гетскимъ языкомъ книжку, образовавъ варварскія слова по нашему составу, и пріобрѣлъ между безчеловѣчными Гетами имя поэта.“

они съ гордостію утверждаютъ еще, что знаменитый поэтъ и писаль на немъ Напротивъ того извѣстный лѣтописецъ Матѳей Триковскій свидѣтельствуетъ въ 4 книгѣ, что Овидій навыкъ въ ссылкѣ у Сармапскихъ народовъ—Славянскому языку и писалъ на немъ охотно стихи.

Если такъ, то память его должна быть еще для насъ драгоцѣннѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣсто его ссылки еще достопамятнѣе — находясь теперь въ предѣлахъ Россіи.

Истинная причина Овидіевой ссылки неизвѣстна. Хотя нѣкоторые полагаютъ, что погубила его излишняя вольность и остроуміе , неумѣстное при Дворѣ; но, вѣроятнѣе всего, пострадалъ онъ за страсть къ дочери Августа, которую не умѣлъ скрывать пламенный поэтъ, которая произвела его *Науку любить*, отличное произведеніе Поэзіи. Овидій умеръ въ заточеніи, не могши смягчить сердце Августово.

* * *

Неподалеку отъ *Фарлозъ*, близъ впаденія рѣки Серетъ въ Прутъ, находится большой курганъ, называемой *Рябая могила*. Это то достопамятное мѣсто, гдѣ наголову былъ разбитъ знаменитый Собіесскій, и гдѣ Петръ Великій находился въ 1711 году въ самомъ ужаснѣйшемъ и отчаянномъ положеніи для Царя и Полководца! Но бѣдствіе сіе, заставившее его отказаться отъ многихъ завоеваній, не только не унизило его въ глазахъ безпристрастнаго историка, а еще возвысило, и вмѣстѣ съ шѣмъ сдѣлало для насъ память его еще любезнѣе и уважительнѣе. Первымъ явило оно во всемъ торжествѣ великость души Россійскаго Монарха, которая познается только въ великихъ бѣдствіяхъ, подобно какъ искуство кормчаго испытуется въ минуту кораблекрушенія; другіе убѣдились въ шой неоспоримой истинѣ, что Петръ любилъ свое Отечество болѣе самаго себя, что небыло для него ничего на свѣтѣ милаго и свя-

щеннаго, чѣмъ бы онъ непожертвовалъ для счастія, для славы Россіи . . . . Здѣсь, воображаю я, раскинута была ставка Царская: сажусь на косогорѣ кургана и созидаю себѣ въ мысляхъ богатую картину незабвенной ночи 10 Іюня.

Усталость отъ безпрестанныхъ трудовъ, изнеможеніе отъ скудости пищи—распространили въ Рускомъ лагерѣ мертвую тишину—вмѣсто благотворнаго покоя и отдохновенія. Воины не смыкали вѣждъ, ожидая ежеминутно роковаго сигнала—умереть съ честію. . . . И какъ покоился самъ Монархъ - Полководецъ отъ неимовѣрныхъ безпокойствъ прошедшаго дня, гдѣ единственно благоразумiемъ его мѣръ, дѣятельностію его распоряженій отбито нападеніе непріятельской арміи? Какъ готовился Петръ на рѣшительный подвигъ—пробиться сквозь непріятеля, почти въ десятеро его многочисленнѣйшаго?—Когда разошлись отъ него всѣ Генералы, созванные для во-

еннаго совѣта, на коемъ единогласно положена была сія отчаянная мѣра, какъ единственно остающаяся для спасенія арміи, когда Петръ остался наединѣ съ своими мыслями и съ призракомъ неминуемой погибели, изъ коей, казалось ни какая человѣческая сила не могла его исторгнуть—онъ приказываетъ часовому, никого къ себѣ недопускать: — великій Царь предается размышленіямъ, но не о спасеніи себя или супруги своей, находившейся въ станѣ. Нѣтъ! душа его была полна скорби объ отечествѣ; воображенію его представилась — съ своею погибелью — погибель Россіи, ниспроверженіе всѣхъ трудовъ его и попеченій, употребленныхъ имъ на введеніе благоустройства и просвѣщенія въ Государствѣ; представился мракъ невѣжества, въ который должны паки погрузиться его подданные. Съ другой стороны — въ случаѣ плѣна своего — страшился онъ непомѣрныхъ жертвъ, коихъ потребуютъ Мусульмане за искупленіе его. Онъ ки-

дается предъ образъ Спасителя, всюду его сопутствовавшій (*); и Божія благодать внушаетъ ему сіи божественныя чувства великодушія, коими дышетъ каждое слово въ письмѣ его къ Сенату, сіе рѣдкое, почтенное въ Монархахъ отчужденіе, презрѣніе себялюбія, коими пылаютъ слѣдующія строки: „Извѣщаю васъ, что я со всѣмъ своимъ войскомъ, безъ вины или погрѣшности нашей, но единственно только по полученнымъ ложнымъ извѣстіямъ, въ четыре краты сильнѣйшею Турецкою силою такъ окруженъ, что всѣ пути къ полученію провіанта пресѣчены, и что я, безъ особливыя Божія помощи, ничего инаго предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго пораженія, или что я впаду въ Турецкой плѣнъ. Если случится сіе послѣднее, то вы не должны меня

(*) Образъ сей находится нынѣ въ первоначальномъ дворцѣ Петра I, извѣстномъ подъ именемъ домика Петра Великаго, что на Петербургской сторонѣ.

почитать своимъ Царемъ и Государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелѣнію, отъ васъ было требуемо, покамѣсть я самъ появлюся между вами въ лицѣ моемъ. Но если я погибну и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники. “

Карлъ XII посылаетъ сапогъ свой въ Стокольмскій Сенатъ, для управленія Государствомъ; Петръ I приказываетъ Сенату своему неслушать собственныхъ своихъ повелѣній; первый боится выпустить изъ рукъ своей власти, другой добровольно отъ нея отказывается! Вотъ параллель двухъ Монарховъ—соперниковъ!

Потомъ призываетъ Государь одного изъ офицеровъ, коего вѣрность, расторопность и особенное знаніе сей страны были ему извѣстны, и спрашиваетъ его: можетъ ли онъ надѣяться пройти сквозь непріятельскую

армію и доставить письмо въ Сенатъ? Получивъ въ томъ увѣреніе, обнимаетъ его и благословляетъ въ опасный путь, съ сими словами: *Богъ съ тобою!*

Послѣ сего Царь устремляетъ всѣ свои мысли къ пріуготовленію себя по завтрашнему рѣшительному дѣлу..... Вдругъ слышится необыкновенный шумъ у дверей палатки его, куда строго воспрещенъ былъ входъ каждому. То была Екатерина, вѣрная сопутница его, раздѣлявшая съ нимъ всѣ его труды и бѣдствія и имѣвшая смѣлость одна сдѣлать сіе ослушаніе. Она представляетъ Монарху возможность получить миръ отъ непріятеля, и доказываетъ то съ такимъ жаромъ и убѣдительностію, что исторгаетъ согласіе отъ своего супруга. Тогда признается Екатерина, что уже ею сдѣлано предварительное къ тому испытаніе, и что посланъ къ Визирю Шенелевъ съ письмомъ отъ Фельдмаршала Шереметьева.....

Проходитъ нѣсколько часовъ, начинаетъ свѣтать и нѣтъ никакой вѣсти изъ лагеря непріятельскаго; пальба съ батарей Турецкихъ не только не прекращается, но еще увеличивается безпрестанно. Время было дорого для Петра,—потеря каждой минуты—невозвратна — и Государь отдаетъ рѣшительное приказаніе арміи, выступить и кинуться на непріятеля. Заиграла воинская музыка, забили бубны и литавры, послышались отвсюду звуки созывныхъ роговъ, восколебались знамена, доселѣ побѣдоносныя,— и войски Рускія, слабыя физическими, но грозныя душевными силами и вѣрою въ Бога, двинулись впередъ подъ предводительствомъ Царя своего, готоваго вмѣстѣ съ ними побѣдить или умереть! Уже они летятъ въ средину непріятеля, какъ орлы спускаются съ поднебесья на безчисленныя тучи враговъ; уже близка роковая минута — какъ опъ Турокъ выѣзжаетъ вѣстникъ съ извѣщеніемъ, что Визирь со-

глашается на перемиріе и требуетъ уполномоченныхъ для переговору о мирѣ.

Вѣсть сія распространила всеобщую радость; одинъ осторожный Монархъ не совершенно предавался оной, зная вѣроломство надменнаго соперника и опасаясь невозможныхъ пожертвованій, коихъ цѣною, можетъ быть, предложитъ онъ купить желанный миръ, тѣмъ болѣе, что въ томъ Визирь руководствованъ будетъ совѣтами Генерала Шарпа и Понятовскаго, хитрыхъ агентовъ Карла XII, находившихся при Турецкой арміи. Онъ даже боялся, не есть ли согласіе сіе новою воинскою ихъ хитростію. Остановя войска свои въ позиціи, онъ беретъ лоскутокъ бумаги и пишетъ своею рукою инструкцію, съ коею тотчасъ же посылаетъ Барона Шафирова въ непріятельской лагерь.—Въ Московскомъ архивѣ сохраняется въ оригиналѣ сей неоцѣненный наказъ: въ немъ ясно видно душевное волненіе Монарха, посреки коего однако, посреди всѣхъ безподойствъ и, такъ сказать, крайности,

самыя отдаленныя выгоды Россіи неупущены имъ изъ виду. Царь разрѣшилъ Шафирова, уступишь Туркамъ все у нихъ завоеванное на Дону и Днѣстрѣ, а въ случаѣ требованія Магмета Паши согласиться на отдачу и Шведамъ отнятыхъ у нихъ земель, исключая Ингріи, которую предписываетъ удержать всѣми возможными пожертвованіями: даже уступкою Пскова и Новагорода! Столь великія выгоды находилъ Петръ для своего Государства въ пріобрѣтеніи морскихъ портовъ, столь считалъ онъ важнымъ основаніе Петербурга! Хотя сверхъ всякаго чаянія верховный Визирь не оказалъ неумѣренности, хотя оставлялъ Россіи всѣ пріобрѣтенія на Сѣверѣ; но одно обстоятельство по видимому неважное, когда дѣло шло о спасеніи цѣлой арміи, готовой погибнуть отъ меча или голода, а съ нею Царя, Царицы и цвѣта всѣхъ сословій Имперіи, требованіе выдачи одного частнаго человѣка достаточно было, чтобъ под-

вигнуть Петра прервать переговоры съ Турками и отказаться отъ всѣхъ выгодныхъ условій.

Визирь, пылая мщеніемъ противъ Кантемира, Господаря Молдавскаго, отдавшагося въ покровительство Россійскаго Императора, требовалъ настоятельно, чтобъ онъ былъ ему выданъ. „Я лучше отдамъ землю, простираю„щуюся до Курска, отвѣчалъ велико„душный Монархъ; уступивъ оную, ос„тается мнѣ надежда паки ее возвра„тить: но нарушеніе даннаго слова не„возвратно; я немогу онаго престу„пить и предать Князя, оставившаго „свое владѣніе изъ любви ко мнѣ. Мы „ничего не имѣемъ собственнаго, кромѣ „чести: отступить отъ нее, есть пе„рестать быть Государемъ.“—И приказываетъ выполнить свое отчаянное намѣреніе.—Благородная рѣшимость сія подѣйствовала и на самыхъ варваровъ, чуждыхъ столь высокихъ чувствъ: — Визирь отказался отъ своего требованія и—миръ подписанъ. Въ оном

обязался Петръ возвратить портъ Азовъ въ первобытномъ его видѣ и разрушить построенныя имъ крѣпости: Каменной заштонъ, Самару и Таганрокъ, а сей послѣдній съ заведенною имъ верфью. Сверхъ того обѣщался онъ вывесть изъ Польши войска свои, и дать свободный проѣздъ чрезъ владѣнія свои Шведскому Королю.

Если искусство Шафирова было причиною, что Визирь удовольствовался столь малыми требованіями, не смотря на вліяніе Шведскихъ агентовъ, то рѣшимость его согласиться на миръ, должно отнести нѣкоторымъ образомъ къ успѣху оружія Россійскаго при отпорѣ, наканунѣ натиска Турецкихъ силъ, при чемъ онъ потерялъ болѣе 7000 убитыхъ и что привело въ ропотъ и ослушаніе Янычаръ. Сіе показало Визирю также степень неустрашимости Русскихъ войскъ, которая несравненно бы еще увеличилась отчаяніемъ, а потому онъ почелъ выгоднѣе для пользы отечества сво-

его, вступить въ переговоры съ утѣсненнымъ непріятелемъ, чѣмъ подвергнуться невѣрной участи рѣшительной съ нимъ битвы.

Чрезъ нѣсколько часовъ по размѣнѣ трактатовъ прискакиваетъ верхомъ изъ Бендеръ Карлъ XII; пылая яростію, онъ требуетъ у Визиря арміи, чтобъ напасть и разбить Русское войско, укоряя его въ трусости, въ измѣнѣ и корыстолюбіи. Гнѣвъ его выходитъ изъ границъ, когда Турецкій полководецъ съ необыкновенною холодностію отвѣтствуетъ ему на угрозы его слѣдующими словами: „атаковать Русскихъ можно, но разбить не такъ-то легко. Ты это самъ испыталъ не хуже насъ“..... Король, въ отмщеніе, разорвалъ шпорами платье у Визиря и, не сказавъ ни слова, уѣхалъ обратно въ Бендеры. Говорятъ, что когда Карлъ доказывалъ Пашѣ возможность взять въ плѣнъ Русскаго Царя, то оный съ тою же флегмою сказалъ ему: „кто-жь

бы сталъ управлять столь огромнымъ Государствомъ какова Россія.“

Въ залогъ вѣрности исполненія Трактата, Государь долженъ былъ оставить въ Турецкомъ лагерѣ Генерала Шереметьева и Барона Шафирова, и въ тотъ же день съ нарочнымъ отправилъ къ супругѣ сего послѣдняго утѣшительное письмо на щетъ его отсутствія.

И такъ стеченіе несчастій выказало здѣсь высокія доблести безсмертнаго Петра: посему *Рябая могила* должна быть навсегда для насъ священною. Но еслибъ Судьба опредѣлила ему рѣшиться на шотъ отчаянный бой, который предстоялъ ему въ случаѣ упорства Турокъ въ заключеніи мира, то, вѣроятно, онъ не только бы пробился съ горстію отчаянныхъ воиновъ своихъ сквозь безчисленное полчище Турокъ, но остался бы еще побѣдителемъ и, можетъ быть, заставилъ бы Визиря подписать миръ на барабанѣ, подобно тому, какъ учинилъ

то Румянцовъ на поляхъ Кагульскихъ, 60 лѣтъ послѣ сего. У Петра было съ небольшимъ 30,000 войска; Румянцовъ командовалъ 17,000. Турки противъ перваго имѣли 270,000, а противу втораго 180,000 воиновъ. Бой ровный для обоихъ полководцевъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Есть преданіе между Молдаванами, что *Рябая могила* названа такъ по имени *Рябы*, любимой дочери одного Буджакскаго Султана, умершей жертвою несчастной любви и погребенной въ семъ курганѣ.

(*Продолж. впредь.*)

ВОСПОМИНАНІЯ
ВЪ СТЕПЯХЪ БЕССАРАБСКИХЪ (*)

(Продолженіе.)

Мѣсто Кагульскаго сраженія, Измаилъ, городъ Тучковъ и островъ Чаталъ.

Какая въ войскахъ храбрость рьяна!
Какой великій духъ въ вождяхъ!
Въ однихъ душа, разсудкомъ льдяна:
У тѣхъ пылаетъ огнь въ сердцахъ.
Въ зимѣ рожденны подъ снѣгами,
Подъ молніями, подъ громами,
Которыхъ съ самыхъ юныхъ дней
Питала слава, вѣрность, Вѣра:
Гдѣ можно вамъ сыскать примѣра?...

Державинъ.

Нерѣдко самые простые, самые обыкновенные случаи кажутся намъ отлично любопытными и даже сверхъ-

(*) См. Отеч. Записки 1821 года, Часть V, №9.

естественными, особенно когда встрѣчаются они въ счастливомъ *сближеніи* съ важными событіями. Точно то было со мною, какъ подъѣзжалъ я къ *Кагульскому* полю и жадными глазами измѣрялъ бугры и равнины, бывшія театромъ славной Кагульской битвы, гдѣ безсмертный Румянцовъ съ 17ю тысячами Русскихъ воиновъ разбилъ 150,000 Мусульманъ: вдругъ съ высоты кургана поднялось нѣсколько бѣлоглавыхъ орловъ; одинъ изъ нихъ спустился стрѣлою въ низъ и подхватя ягненка изъ среды испуганнаго стада, полетѣлъ къ Дунаю, а за нимъ понеслась и вся стая другихъ орловъ — какъ будто желая показать мнѣ то направленіе, которое взяли нѣкогда побѣдоносные Русскіе орлы, преслѣдуя устрашенныхъ Турокъ. — Я вбѣжалъ на огромный курганъ, бывшій мѣстомъ достопамятной Визирьской ставки, и сѣвъ на развалинахъ ея — предался, въ упоеніи чувствъ и воображенія,

воспоминаніямъ высокимъ, сладостнымъ для сердца Русскаго. Взоръ мой обнималъ почти все пространство знаменитой Кагульской битвы; битвы, доказавшей важную истину — что существенная сила арміи состоитъ въ достоинствѣ Главнокомандующаго, что воинскій духъ, довѣренность и любовь къ Вождю—замѣняютъ многочисленность, служатъ арміи оплотомъ, крѣпчайшимъ всѣхъ твердынь на свѣтѣ; она доказала превосходство хорошо устроеннаго войска и наконецъ подтвердила одно изъ главныхъ стратегическихъ правилъ: „что величайшее искусство полководца состоитъ въ томъ, чтобъ съ малыми средствами производить великія дѣла.“

Вѣстники, отправляемые ежечасно отъ авангарднаго Генерала, приносятъ Румянцову извѣстіе объ умноженіи непріятеля, о присоединеніи къ нему стотысячной арміи, подъ предводительствомъ самаго Визиря Галиль-Бея, и — Румянцовъ приказы-

ваетъ сказать Боуру: „*чѣмъ сильнѣе непріятель, тѣмъ славнѣе надъ нимъ побѣда.*“ —Тѣ же вѣстники спѣшатъ съ донесеніемъ къ Главнокомандующему, что необозримая непріятельская сила приближается — и онъ съ тѣмъ же спокойствіемъ духа, съ тѣмъ же величіемъ генія отвѣтствуетъ: „*это „значитъ, что и мы становимся „ся къ ней ближе.*“ — Турки подошли уже къ устью рѣчки Кагула и были уже въ семи верстахъ отъ нашего стана; — Румянцовъ, смотря въ зрительную трубку на ихъ движенія, сказалъ окружавшимъ его чиновникамъ: „*Если Визирь осмѣлится „разбить на этомъ мѣстѣ хотя „одну палатку, то я пойду ата„ковать его въ нынѣшнюю ночь.* (*) Турки остановились — и Румянцовъ долженъ былъ сдержать свое слово.

(*) Слова курсивомъ означенныя, суть истинныя изрѣченія знаменитыхъ полководцевъ нашихъ Румянцова и Суворова.

Но сдержать оное значило—атаковать съ семнадцати-тысячною арміею—сто пять-десять тысячь! и сверхъ того ждать ежеминутно на эту же горсть воиновъ нападенія съ тылу не менѣе многочисленной арміи Татаръ, пылавшихъ мщеніемъ загладить постыдное пораженіе ихъ при Лагрѣ. — Мысль дерзновенная, невозможная! положеніе опасное, ужаснѣйшее!

Румянцевъ созываетъ военный совѣтъ: раскрываетъ съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ картину бѣдственнаго ихъ состоянія, заставляющаго рѣшиться немедленно атаковать непріятеля и воспользоваться остаткомъ силъ воиновъ, изнуренныхъ голодомъ и усталостію; представляетъ въ восхитительномъ видѣ надѣянность опрокинуть превосходныя силы Турокъ, уповая на испытанную твердость Русскаго солдата и соблюденіе строгой дисциплины; объясняетъ выгоды, сопряженныя съ на-

ступательною мѣрою и оканчиваетъ сими достопамятными словами: „*сла-*
„*ва и достоинство Россійскаго вой-*
„*ска не дозволяютъ ему стоять*
„*противъ непріятеля, не атакуя*
„*его.*“ — Совѣтъ даетъ свое согласіе къ нападенію — и Румянцовъ въ тишинѣ ставки предается нужнымъ распоряженіямъ, разсылаетъ наставленія начальникамъ корпусовъ, дивизій, отрядовъ и назначаетъ Ген. Пор. Племянникова въ обходъ по высотамъ, кои вели къ лѣвому непріятельскому флангу.

Въ часъ по полуночи войска наши выступили изъ лагеря, отправивъ всѣ обозы въ построенный позади онаго ваганбургъ. Главнокомандующій на борзомъ конѣ пролетаетъ ряды храбрыхъ воиновъ, и отпускаетъ ихъ съ привѣтствіями краткими, но понятными для ихъ слуха, сладкими для ихъ чувствъ. Возбуждая соревнованіе воспоминаніями великими, Румянцовъ сказалъ, подъѣхавъ къ 1-му

Гренадерскому полку: „*на сихъ полѣхъ древніе Римляне одержали „многія побѣды надъ непріятелями „своими; вы, товарищи, идете по „слѣдамъ Траяна, и я увѣренъ, что „сегодня затмите славу предше„ственниковъ и заслужите благодар„ность Монархини и Отечества.*(*) — Обращаясь къ офицерамъ, восклицаетъ онъ: „*я надѣюсь, что всякій сынъ „отечества потщится не только „выполнить мои предписанія, но по „мѣрѣ обстоятельствъ, превзойти „ихъ своимъ усердіемъ; надѣюсь, что „начальники полковъ, усмотря ка„кую либо перемѣну въ сраженіи, не „упустятъ сдѣлать движеній, нуж„ныхъ для успѣха оружія нашего.*“

Стройнымъ шагомъ двинулись Русскіе въ походъ! — На разсвѣтѣ при Трояновомъ валѣ построились они пятью частями въ боевой порядокъ.

Между тѣмъ и Турки бодрствова-

(*) Полкъ сей за отличную храбрость пожалованъ послѣ сего Лейбъ-Гренадерскимъ.

ли: въ лагерѣ ихъ слышна была жаркая ружейная перепалка, которая, мѣшаясь съ пушечными выстрѣлами, составляла благодѣтельное зарево, освѣщавшее ночный путь Русскимъ воинамъ, шествовавшимъ въ тишинѣ и осторожности; ярые Анатольскіе кони въ богатыхъ збруяхъ — безъ всадниковъ — прибѣгали къ намъ на встрѣчу... Все возвѣщало готовность непріятеля опразднить насъ мужественно, и точно — лишь только полки наши показались изъ-за Траянова вала, какъ необозримая Турецкая конница напала на нихъ съ шѣмъ ужаснымъ воплемъ и быстротою, кои нерѣдко первый ударъ ея дѣлаютъ сокрушительнымъ для непріятеля и даже рѣшающимъ успѣхъ бытвы. Но скоро Генералъ Мелиссино, управлявшій главною батареею нашею, бѣглымъ картечнымъ огнемъ остановилъ ее и привелъ въ замѣшательство. Между шѣмъ другія, не менѣе многочисленныя толпы Аравійской конницы, восполь-

зуясь углубленіемъ лощины, находящейся между гребнемъ, коимъ проходили первая дивизія и каре Гр. Брюса, неслись подобно разрушительному вихрю, презирая градъ ядеръ и пуль, ихъ покрывавшихъ, и угрожали нашему тылу. Главнокомандующій въ пыли, въ дыму усматриваетъ опасность и приказываетъ, отдѣливъ резервы пѣхоты, обратить ее наступательно съ артиллерію на сію часть непріятеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всему карею принять влѣво. Турки остановлены, и не смотря на свою запальчивость, постигли опасность сего движенія, могущаго отрѣзать ихъ отъ лагеря, дрогнули и обратились съ таковымъ же стремленіемъ вспять, провожаемые вслѣдъ нашею канонадою, вырывавшею цѣлыми кучами лучшихъ всадниковъ изъ густыхъ колоннъ ихъ. Ужасъ и отчаяніе достигли скоро и всей Турецкой конницы, жестоко нападавшей со со всѣхъ сторонъ на кареи Племян-

никова, Брюса, Репнина и Боура, — она послѣдовала примѣру первыхъ.

Отразивъ такимъ образомъ первый натискъ непріятеля, бывъ четыре часа—отъ 4 до 8ми—въ безпрерывномъ огнѣ, Русскіе очистили себѣ путь къ непріятельскому стану, оберегаемому всею конницею и пѣхотою, и обведенному, къ общему удивленію, въ одну ночь тройными рвами. Но Румянцовъ усмотря, что дальнѣйшею перестрѣлкою могъ бы истребить малочисленную свою армію — приказалъ напасть со штыками. Турки, допустивъ Русскихъ на ближайшій выстрѣлъ, открыли большія батареи свои, направляя ударъ оныхъ особенно на карей Олица, при коемъ находился Главнокомандующій, и Племянникова, приближавшійся съ лѣвой стороны. Не смотря на тучи ядеръ и картечь — Русскіе удвоили шаги свои, шли безстрашно и весело, поощряемые примѣромъ Главнокомандующаго, который часто ободрялъ ихъ и былъ пер-

вый въ огнѣ. Уже удачнымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи начинали умолкать Турецкія батареи; уже каре Племянникова, такъ сказать, простирало руки къ овладѣнію укрѣпленіями, — какъ десять тысячъ отборныхъ Янычаръ и Спаговъ, внезапно выскочивъ изъ лощины съ саблями въ рукахъ — при ужасномъ воплѣ и изступленіи ударили на правый фасъ сего послѣдняго, составляемый Архангельскимъ и Московскимъ пѣхотными полками. Едва первый изъ нихъ успѣлъ выстрѣлить, какъ врѣзались они въ средину его, смяли другіе полки: Муромскій, 4 й Гренадерскій и Бутырскій, и гнали ихъ до карея Олица. Побѣда колебалась, но непоколебался духъ Румянцова! Присутствіе любимаго начальника поржествуетъ въ минуты грозной опасности. Увидя бѣгство Русскихъ, онъ сказалъ Принцу Брауншвейгскому, бывшему подлѣ него: „*теперь настало наше дѣло!* Съ симъ словомъ по-

летѣлъ Румянцовъ къ бѣгущимъ полкамъ, преслѣдуемымъ яростными Янычарами и вскричалъ: „*стой ребята!*“ Голосъ героя въ одинъ мигъ отозвался въ слухѣ и сердцахъ воиновъ: Русскіе остановились. Первый Гренадерскій полкъ Бригадира Озерова отразилъ Янычаръ; каре Племянникова сдвинуло ряды свои и возгласивъ: „да здравствуетъ Екатерина Вторая,“ устремилось впередъ. Тутъ приспѣли Гр. И. П. Салтыковъ и Князь Долгорукій съ тяжелою кавалеріею. Турки побѣжали, бывъ преслѣдованы сею послѣднею, которая произвела большое между ими опустошеніе. Наконецъ на плечахъ непріятеля ворвались въ лагерь съ примкнутыми штыками какъ первые карей, такъ Графъ Брюсъ съ праваго, а Генералъ Боуръ съ лѣваго фланга. Янычары приняли ихъ съ ожесточеніемъ; чудеса храбрости производились съ той и съ другой стороны; рѣдко солнце освѣщало столь упорную сѣчу; но безпримѣрное му-

жество и многочисленность должны были уступить дисциплинѣ и искусству, особенно же Подполковника Гр. Воронцова, который поражалъ Магометанъ въ тылъ, бывъ отдѣленъ Буромъ для занятія непріятельскихъ батарей. Тщетно Визирь заклиналъ войска своимъ именемъ Лже-Пророка ихъ и Султана — отразить Русскихъ, тщетно утѣшалъ онъ ихъ малочисленностію непріятеля; ему отвѣтствовали однимъ воплемъ: нѣтъ возможности противиться огню Русскому. — Визирь замѣчаетъ смятеніе въ своемъ войскѣ, а болѣе всего устрашившись пораженіемъ лучшихъ Янычаръ, составлявшихъ его крѣпчайшую стѣну — повелѣваетъ отступать; но увидя, что Князь Репнинъ заходитъ для прегражденія ему пути — ударяется въ бѣгство, бросаетъ весь свой обозъ, оставивъ въ добычу побѣдителю 140 орудій съ полными къ нимъ артиллерійскими запасами и богатѣйшій лагерь. Ру-

мящовъ за чрезвычайною усталостію войскъ своихъ, не могъ преслѣдовать непріятеля далѣе 4хъ верстъ, ибо въ легкой кавалеріи онъ имѣлъ недостаточъ, отрядивъ большую часть ея для прикрытія тыла и запасовъ отъ Тапаръ. Но и безъ того Турки были объяты такимъ страхомъ, что при переправѣ черезъ Дунай произвели между собою неменьшее пораженіе. Смятеніе ихъ дошло до междоусобнаго кровопролитія, когда показался Генералъ Боуръ и расположивъ при батареи, началъ по нихъ стрѣлять. Турки кидались въ суда безъ разбору; сидѣвшіе уже отбивали шѣхъ саблями; суда отъ излишней тяжести тонули, такъ, что при этомъ случаѣ погибло ихъ великое множество. Вообще потеря Турокъ простиралась до 20,000, а еще вдвое того разбѣжалось ихъ изъ арміи. Много и Россіянъ пало въ сей славной битвѣ, но ни о комъ не сожалѣли, а всякому завидовали: такъ почтенна смерть

героевъ, приносящихъ себя въ жертву за Отечество! — „Ты прямой солдатъ! было первымъ и всеобщимъ привѣтнымъ гласомъ побѣдителю отъ собственныхъ войскъ и — думаю самымъ лестнымъ, самымъ драгоцѣннымъ для вождя! — Румянцовъ до наступленія ночи успѣлъ отправить съ поля сраженія храбраго Бригадира Озерова съ краткимъ донесеніемъ Государынѣ Императрицѣ о побѣдѣ. (*)

Рано поутру на другой день собраны были Русскія войска для принесенія Всевышнему торжественнаго молебствія, при громѣ пушекъ. Самъ Румянцевъ командовалъ парадомъ; послѣ чего объѣзжалъ полки, изъявляя каждому свою благодарность: „*мы прошли*, говорилъ онъ имъ, *степи и го-*

(*)Озеровъ, какъ одинъ изъ тѣхъ, кои рѣшили судьбу сраженія, могъ словесно удовлетворить любопытство Государыни и вельможъ, и чрезвычайно понравился какъ Ей, такъ и всѣмъ своею военною искренностію и добродушіемъ.

ры до береговъ Дуная, разбивая повсюду непріятеля въ превосходныхъ силахъ, не дѣлая нигдѣ полевыхъ укрѣпленій; изъ этого узнайте, товарищи, что не рогатки и рвы суть неодолимыя стѣны — а мужество и добрая воля.“ Громогласное *ура*! повсюду встрѣчало и провожало героя.

Маратонъ и Саламины кажутся теперь вѣроятными; но нашъ храбрость, изумившая вселенную, была внушена отчаяніемъ: Греки сражались за свою родину, въ глазахъ своихъ соотчичей. Чему же приписать побѣду Кагульскую, если не воинскому духу и слѣпому повиновенію Русскаго солдата, коими умѣлъ воспользоваться мудрый полководецъ, если не жаждѣ славы, а болѣе всего твердой надеждѣ на Бога силъ, каковыми чувствами умѣлъ великій вождь одушевить, воспламенить своихъ воиновъ. Побѣда сія еще тѣмъ превосходнѣе, тѣмъ удивительнѣе, что одержана не надъ

толпами робкими, подобно изнѣженнымъ Персамъ, не надъ арміею, доведенною измѣною или другими обстоятельствами до слабаго сопротивленія или къ положенію оружія... (*) Нѣтъ! Румянцовъ низложилъ воинство, дотолѣ побѣдоносное, бывшее бичемъ Европы, поразилъ врага, незнавшаго дотолѣ предѣловъ въ счастіи и гордости! Симъ ударомъ потрясъ онъ пагубное владычество Мусульманъ и посѣялъ въ нихъ навсегда преждевременный страхъ при видѣ Россійскаго оружія. Трепетъ сей принесенъ былъ вскорѣ въ самыя стѣны Стамбула. Сказываютъ, что Мустафа, для укрощенія мятежныхъ Янычаръ, убѣгавшихъ

(*) На канунѣ битвы отважные Турецкіе наѣздники на пламенныхъ коняхъ своихъ подскакивали къ нашему лагерю, и здѣсь также въ первой разъ дерзость была обуздана храбростію козаковъ Иловайскаго полку, кои первые осмѣлились выѣзжать на Турецкихъ рыцарей — и всегда съ успѣхомъ.

изъ арміи, приказалъ въ насмѣшку бросить имъ Московскую шляпу (*).

Выгоды Кагульской побѣды неизчислимы: на третій день послѣ сраженія явился въ станѣ Русскомъ Татарскій Мирза съ требованіемъ отъ имени Хана, пропустить его съ войсками безпрепятственно въ Крымъ, угрожая въ противномъ случаѣ защищаться съ 100,000 арміею до послѣдняго. Побѣдитель посылаетъ въ отвѣтъ Хану, чтобъ онъ покорился Россійской Державѣ, или ожидалъ себѣ равной участи съ Визиремъ, — и Ханъ

(*) Всѣ Христіане возчувствовали вліяніе Кагульской побѣды. Послѣ сего только можно было Франкамъ встрѣчаться безспрашно съ Мусульманами на Константинопольскихъ улицахъ. — Извѣстно, что инструкціи и обѣщанія Поляковъ были причиною первой Турецкой войны. При объявленіи ея, Султанъ спрашивалъ совѣта у Визиря Мизюль Оглу, мудраго старца, и получилъ въ отвѣтъ: „нестанемъ будить сѣвернаго медвѣдя — онъ теперь покоенъ.“

скорою покорностію предупредилъ Русскаго вождя въ исполненіи его слова. Побѣда сія имѣла сильное вліяніе и на славный Кучукъ-Кайнарджирскій миръ, заключенный незабвеннымъ во вѣки Румянцовымъ, черезъ четыре года послѣ сего.

Жезлъ Фельдмаршальскій былъ наградою Графу Петру Александровичу за Кагульское дѣло. Новость сія принесена была въ станъ Молдавскій во время глубокой ночи. Едва слухъ о ней проникъ изъ ставки Главнокомандующаго, какъ и распространился въ одно мгновеніе по всему лагерю. Офицеры, солдаты бѣжали со всѣхъ сторонъ принесть поздравленіе любимому ихъ вождю, и ночь превратилась въ радостный день. — Другою не менѣе пріятною, не менѣе достойною наградою для героя было наименованіе его *великимъ*, сказанное Императрицею въ объявленіи о сей славной побѣдѣ. Военная Исторія не представляетъ примѣра,

чтобы какой либо Полководецъ удостоился получить сіе названіе отъ современнаго Государя, и только одинъ Помпей почтенъ былъ симъ титломъ отъ Сената Римскаго. Сверхъ того Екатерина воздвигла величественный *обелискъ* въ память *Кагульскаго сраженія*, въ любимомъ своемъ обиталищѣ — въ Царскомъ селѣ, и поставя оный противъ оконъ своего кабинета, показала, что желала имѣть всегда предъ глазами своими лучшій монументъ своей славы. Генералы и офицеры награждены чинами и знаками отличія, солдаты деньгами и медалями съ изображеніемъ дня и мѣста ихъ безсмертныхъ подвиговъ: *Кагулъ, Іюля 21, 1770 г.* (*)

(*) Когда Гр. Петръ Александровичъ Румянцовъ сопровождалъ въ 1776 г. блаженной памяти Императора Павла Его въ Берлинъ, то Фридрихъ Великой упросилъ его показать

Описывая сію побѣду Вольтеру, Екатерина прибавляетъ: „Фельдмаршалъ увѣдомляетъ меня, что Русскія войска, подобно древнимъ Римлянамъ, не спрашивали: *сколько непріятелей, а гдѣ они?*“ Но покажите дѣянія легіоновъ Сципіоновыхъ и Цесаря, кои бы могли быть сравнены съ дѣяніями Русскихъ при Кагулѣ?

Рѣчка Кагулъ, говорятъ, наполнена пушками и ядрами; на полѣ сраженія открываютъ безпрестанно картечи и пули. Я самъ поднялъ нѣсколько изъ сихъ послѣднихъ и буду хранить ихъ навсегда — какъ свидѣтелей тѣхъ счастливыхъ минутъ, кои провелъ я въ воспоминаніяхъ на семъ классическомъ мѣстѣ.

ему Кагульское сраженіе въ маневрѣ изъ Прусскихъ войскъ, близъ Потсдама, и былъ онымъ столь доволенъ, что снявъ съ себя ленту возложилъ ее на Румянцова. — У Гр. Сергѣя Петровича Румянцова есть картина, представляющая сей достопамятный маневръ.

ИЗМАИЛЪ.

Измаилъ уже не тотъ, каковымъ былъ онъ въ 1790 году, при славномъ его штурмѣ: тогда укрѣпленія Измаила были несравненно обширнѣе, особенно по рѣкѣ Дунаю и заключали въ окружности около 10 верстъ. Совсѣмъ цѣмъ и теперь онъ имѣетъ 14 бастіоновъ, четверо воротъ, столько же мостовъ и 10 сортій и по справедливости почитается пространнѣйшею, главнѣйшею и полезнѣйшею пограничною крѣпостію на Дунаѣ. (*) Турками же была она столь уважаема, что они называли ее *Орду-Калеси*, т. е. армейскою крѣпостію, ибо при неудачахъ крѣпость сія служила оплотомъ

(*) Въ нынѣшнее положеніе приведена она Инженеромъ Кауфершомъ, вскорѣ по возвращеніи ея Туркамъ въ 1791 году. — Одинъ только бастіонъ сосгороны рѣки покрытъ каменною одеждою, прочіе всѣ земляные. Для защиты крѣпости по пространству ея нужнымъ считаешся теперь пять пѣхотныхъ полковъ.

Турецкой арміи для спокойной переправы черезъ Дунай. Но ни рвы, имѣвшіе до 7 сажень къ глубину, ни твердыни бастіоновъ — въ 4 с. высоты, ни огромность и количество артиллеріи, ни самая отчаянная храбрость гарнизона, превосходившаго несравненно въ числѣ осаждавшихъ, ничто не могло противустоять мужеству Русскихъ, предводимыхъ безсмертнымъ Суворовымъ. Измаилъ, почитавшійся неприступнымъ не только отъ Мусульманъ, но и отъ всей Европы—палъ въ нѣсколько часовъ предъ побѣдоноснымъ оружіемъ Суворова.

Нынѣшній Комендантъ Измаильскій Г. В.., воинъ, покрытый ранами, водилъ меня по крѣпостнымъ валамъ; мы разсматривали мѣста старыхъ бастіоновъ и ѣздили на позицію арміи Суворова. Живости разговоровъ нашихъ не мало способствовала живость слѣдовъ того и другаго. Мы шли по нимъ какъ со свѣтильникомъ ярко озарявшимъ въ воображеніи нашемъ воспо-

мнанія великія, событія безсмертныя!

Въ 1790 году Австрійцы заключили неожиданно съ Турками сепаратный миръ; наступала зима, ненастная погода могла породить опасные недуги въ утомленныхъ, неимѣвшихъ хорошей пищи войскахъ. Нужно было рѣшиться взять Измаилъ, почитаемый Портою ключемъ Царьграда, ибо только сею мѣрою можно было ускорить выгодный для Россіи миръ. Кто кромѣ Суворова могъ принесть отечеству сію важную услугу? Кто обладалъ, подобно ему, быстротою молніи, отважностію непоколебимою, властію надъ сердцами своихъ войскъ, страхомъ надъ умами непріятелей — качествами необходимыми для сего великаго предпріятія? Измаилъ былъ охраняемъ знаменитымъ Сераскиромъ Аудузлу — Пашею, воиномъ посѣдѣвшимъ въ бояхъ и два раза отказывавшимся отъ Визирьскаго достоинства; гарнизонъ его состоялъ изъ 43 тысячь

человѣкъ, большею частію Янычаръ, и 8 тысячь конницы — подъ командою 7 Султановъ. Въ числѣ сей, можно сказать, арміи были корпусы, вышедшіе изъ сдавшихся на капитуляцію крѣпостей—Хотина, Аккермана, Бендеръ, Килiи и Паланки, коимъ Султанскимъ фирманомъ въ наказаніе запрещалось сдаваться подъ смертною казнію. Русскій Полководецъ не могъ имѣть болѣе 28,000, изъ коихъ половина была козаковъ.

Измаилъ былъ уже 7 мѣсяцовъ осаждаемъ Русскими безъ успѣха; войска наши уже отступали на зимнія квартиры, какъ Суворовъ получаетъ приказаніе отъ Князя Потемкина — идти изъ Галацъ къ Измаилу и взять его — во чтобы то ни стало! На другой же день, 2 Декабря, Суворовъ уже былъ подъ стѣнами грозной крѣпости и съ необыкновенною дѣятельностію приступилъ къ исполненію сего повелѣнія, ибо видѣлъ, что каждая минута была драгоцѣнна.

Войска готовили лѣсницы, вязали фашины, учились ночью ставить тѣ и бросать другія. Суворовъ самъ ѣздилъ рекогносцировать крѣпость, показывая Генералamъ и офицерамъ мѣста, гдѣ должно всходить колоннамъ на приступъ, гдѣ имъ можно развернуться, наставляя какъ подавать другъ другу помощь. Между тѣмъ въ одну ночь выстроены были батареи въ 30 ти или 40 саженяхъ отъ крѣпости на обоихъ концахъ, для подачи Туркамъ мысли, что начнется правильная осада.

Вдругъ 7 го Декабря Суворовъ посылаетъ Сераскиру письмо Князя Потемкина, коимъ требовалась сдача крѣпости. Паша отвѣчалъ совѣтомъ Русской арміи: — „отступить по причинѣ дурной погоды и недостатка въ продовольствіи, между тѣмъ какъ въ Измаилѣ во всемъ изобиліе.“ На другой день посланъ былъ къ Сераскиру офицеръ, знавшій Турецкій языкъ, съ новымъ предложеніемъ о

сдачѣ. Съ нимъ присланъ отвѣтъ въ восточномъ вкусѣ: „Скорѣе Дунай остановится въ теченіи своемъ и небо преклонится къ землѣ, чѣмъ сдастся Измаилъ.“—Суворовъ, коего называли жестокимъ, Суворовъ для предупрежденія кровопролитія — посылаетъ въ третій разъ записку къ Сераскиру, въ коей *увѣрялъ его честнымъ словомъ, что крѣпость будетъ взята приступомъ и никому не сдѣлано пощады, если въ тотъ же день не увидитъ бѣлаго флага на стѣнахъ ея.* Храбрый Паша, не смотря на желаніе къ сдачѣ многихъ начальниковъ войскъ его — остался непреклоннымъ.

Суворовъ собралъ военный совѣтъ. Съ неподражаемымъ лаконизмомъ сказалъ онъ: „*Два раза осаждала Измаилъ Русская армія и два раза отступала; намъ остается въ третій разъ или побѣдить или умереть!*“ — Незабвенный Платовъ, какъ младшій въ совѣтѣ, первый подписалъ:

штурмовать; прочіе то же подтвердили. Суворовъ кинулся къ нему на шею и перецѣловавъ потомъ всѣхъ другихъ, сказалъ: „*сегодня Богу молиться, завтра учиться, а въ третій день славная смерть или побѣда!*“ Іе число назначено для приступа.

Въ это время получаетъ Суворовъ отъ Князя Таврическаго письмо, уполномочивающее его *удалиться, если не совершенно увѣренъ онъ въ успѣхѣ приступа.* Въ отвѣтъ посылаетъ онъ слѣдующія строки: „*Два „раза Россійскія войска были у во„рота Измаила; стыдно будетъ, „если въ третій не войдутъ въ „них.*“

Наступила мрачная ночь, а съ нею вмѣстѣ распространилась грозная тишина. Суворовъ подбѣгалъ ко многимъ огнямъ, у которыхъ грѣлись въ кучкахъ офицеры и солдаты, ожидая съ нетерпѣніемъ и бодростію духа роковаго сигнала. „*Какой это полкъ?*

спрашивалъ онъ, подходя къ пылавшему костру. *Такой-то*, отвѣчали ему. „*Помилуй Богъ!* восклицалъ Суворовъ— „*это славный полкъ, храбрые люди! съ нимъ побѣдилъ я тогда-то, разбилъ непріятеля тамъ-то; сегодня онъ сдѣлаетъ чудеса!* и т. п. Слова сіи сильнѣе Турецкаго опіума воспламеняли сердца Русскихъ воиновъ.

Наконецъ въ 3 часа по полуночи увидѣли первую ракету — по которой надлежало приготовиться къ приступу.

Въ четыре пущена вторая — дабы строиться.

Въ пять взлетѣла третія и послѣдняя, и колонны двинулись впередъ.

Главнокомандующій раздѣлилъ армію на три корпуса: одинъ морской и два сухопутныхъ. Первымъ командовалъ Контръ-Адмиралъ Рибасъ, а послѣдними Генералъ-Поручики: Потемкинъ и Самойловъ — одинъ на

правомъ, а другой на лѣвомъ флангѣ. Самъ Суворовъ находился въ срединѣ между колоннами, кои поручены были Генералъ-Маіорамъ: 1я Львову, 2я Лассію, 3я Мекнопу, 4 и 5я, состоявшія изъ спѣшанныхъ козаковъ и Арнаутъ- Графу Безбородко, и наконецъ шестая — М. Л. Кутузову. Конница поставлена почти на версту отъ крѣпости, войска на гребномъ и Черноморскомъ флотѣ состояли подъ командою Генералъ-Маіора Арсеньева, Атамана Чапѣги и гвардіи Маіора Маркова.

Въ семъ порядкѣ войска наши подступали къ крѣпости въ величайшемъ устройствѣ и тишинѣ. Турки терпѣливо допустили ихъ почти на 300 шаговъ и вдругъ открыли ужасный картечный огонь. Кровопролитіе началось: чѣмъ болѣе увеличивался огонь со стороны непріятельской тѣмъ болѣе воспламенялось мужество Русскихъ воиновъ; чѣмъ препятствія становились затруднительнѣе, нео-

боримѣе, тѣмъ болѣе усиливалось ихъ рвеніе на низпроверженіе оныхъ. Русскіе казались соперниками одни передъ другими — въ твердости и храбрости; Генералы и офицеры первые бросались въ глубину рвовъ, первые взбирались на высокіе бастіоны; солдаты, не дожидаясь лѣсницъ, подъ градомъ пуль подавали другъ другу руки и взлѣзали по штыкамъ на стѣны; одни гибли, другіе спѣшили занять ихъ мѣста; однихъ утѣсняли, другіе стремились на подкрѣпленіе имъ; многіе раненые не чувствовали своихъ ранъ и не выходили изъ рядовъ. — Быстрый взглядъ Суворова, не смотря на ночную темноту, и пространство, казалось, все видѣлъ, вездѣ присутствовалъ, вездѣ готовъ былъ къ помощи. Замѣтя, что колонна, коею предводительствовалъ Кутузовъ, потерявъ всѣхъ почти офицеровъ и бывъ окружена многочисленными толпами непріятеля, начинаетъ подаваться назадъ,— послалъ сказать Михайлу

Ларіоновичу, что „*назначилъ его Комменданпомъ Измаила и отправилъ уже извѣстіе къ Императрицѣ о взятіи крѣпости.*“ Съ нами Богъ, воскликнулъ Кутузовъ, и тотчасъ взлетѣлъ на валъ. (*)

Первый лучь солнца озарилъ Русскихъ властелинами укрѣпленій какъ съ сухаго пути, такъ и со стороны Дуная. Но тутъ начался новый, ужаснѣйшій бой на площадяхъ, въ узкихъ улицахъ — бой безпримѣрный въ лѣтописяхъ военныхъ: Турки оспоривали съ ожесточеніемъ каждый шагъ побѣдителей, укрѣплялись въ каменныхъ ханахъ и мечетяхъ, и

(*) По взятіи Измаила, Кутузовъ спросилъ у Суворова: почему онъ поздравилъ его Комменданпомъ въ такое время, когда успѣхъ былъ еще сомнителенъ? и получилъ въ отвѣтъ: „*Суворовъ знаетъ Кутузова, а Кутузовъ знаетъ Суворова. Если бъ Измаилъ не былъ взятъ, мы бы оба умерли подъ стѣнами его.*“ Потомъ присовокупилъ: „*Кутузовъ былъ на лѣвомъ крылѣ, но былъ моею правою рукою.*“

почти каждый домъ должно было брать приступомъ. Женщины нападали къ кинжалами и ножами, и неимовѣрнымъ изступленіемъ своимъ были не менѣе страшны мужественныхъ Янычаръ и пылкихъ Спаговъ. Но всѣ усилія ихъ были тщетны; въ 2 часа по полудни Суворовъ приказалъ ввести Бендерскими и Брокскими воротами нѣсколько эскадроновъ легкой конницы для очищенія улицъ отъ засѣвшихъ непріятелей, и въ 4 часа, по занятіи нашими важнѣйшихъ карауловъ въ городѣ и на валу, Измаилъ былъ совершенно покоренъ. (*)

Послѣ безпрерывнаго шуму и движенія, какъ послѣ свирѣпой бури — настала вдругъ мертвая тишина. Во-

(*) Такъ какъ въ каждомъ бастіонѣ подъ валомъ находился пороховый магазинъ, то по взятіи каждаго изъ нихъ, тотчасъ приставляемы были крѣпкіе караулы, дабы Турки не взорвали ихъ на воздухъ: что конечно бы и случилось, ибо они часто посылали къ магазинамъ сильныя партіи, но всегда были отражаемы съ успѣхомъ.

ины, видя вокругъ себя кучи непріятельскихъ тѣлъ — изумлялись собственнымъ своимъ силамъ, взирая на пропасти ими перейденныя, на твердыни ими поборенныя грудью — ужасались прошедшимъ опасностямъ. Суворовъ отправилъ курьера съ слѣдующимъ рапортомъ къ Князю Потемкину, бывшему тогда въ Бендерахъ: „*Россійскій флагъ развѣвается на стѣнахъ Измаильскихъ.*“ А Императрицѣ донесъ въ столь же сильныхъ и лаконическихъ словахъ. „*Горд̀ый Измаилъ палъ къ стопамъ „Вашего Императорскаго „Величества.*“

Торжество побѣды совершилось на другой день благодарственнымъ молебствіемъ въ Греческомъ монастырѣ Св. Іоанна, при пальбѣ изо всѣхъ орудій, найденныхъ въ крѣпости. Оно представило вмѣстѣ съ тѣмъ самое трогательное, необыкновенное зрѣлище; тутъ являлись

тѣ, коихъ почитали въ числѣ убитыхъ; всѣ обнимались и проливая слёзы поздравляли другъ друга съ жизнію, ибо всякой почиталъ ее даромъ благаго Провидѣнія. Суворовъ, принеся благодареніе Всевышнему, отправился къ главному караулу, который занималъ его Фанагорійскій полкъ, потерявшій при штурмѣ до 400 гренадеръ убитыми. Осыпавъ похвалами сихъ храбрыхъ, отличившихся воиновъ, онъ изъявилъ приличную признательность и всѣмъ прочимъ корпусамъ, офицерамъ и солдатамъ.

Послѣ сего употреблены были плѣнные Турки, числомъ до 10,000 человѣкъ (*), на погребеніе тѣлъ своихъ одноземцевъ, коихъ погибло при семъ случаѣ до 33,000. Русскіе погребены были съ честію на Христіанскомъ кладбищѣ. Но мѣсто сіе мало помалу забывается: оно ничѣмъ не отли-

(*) Исключая такого же почти числа женщинъ, дѣтей, Молдаванъ, Армянъ и Жидовъ.

чено, нѣтъ на немъ никакого знака, могущаго напоминать странніку о славной смерти героевъ, — да горячею слезою и самымъ искреннимъ чистымъ благоговѣніемъ почтитъ онъ память ихъ! То же сердечное участіе, тѣ же чувства живѣйшаго сожалѣнія волновали грудь мою, когда въ монастырѣ Св. Іоанна отыскивалъ я могилу знаменитаго Генерала Вейсмана, павшаго съ честію въ первую Турецкую войну. Какъ! и сей воинъ, подумалъ я, сей славный воинъ, украшеніе нашей Исторіи, остается безъ монумента отъ благодарнаго потомства? Но утѣшься герой, — всякой Русскій чтитъ твои доблести — посвященныя славѣ и пользѣ отечества; всякій Русскій воспоминаетъ съ благодарностію, что ты первый вознесъ твердый шагъ на другой берегъ Дуная и палъ тамъ, спасая всю армію! Твое имя вмѣстѣ съ безсмертными подвигами твоими переживетъ всѣ твердѣйшіе памятники; оно

будетъ жить вѣчно въ лѣтописяхъ славы Россійскихъ героевъ! — Подлѣ тѣла Генерала Вейсмана положенъ прахъ Бригадира Рибопьера, убитаго при взятіи Измаила и всѣми чистосердечно-оплакиваемаго. Вообще уронъ Русскихъ при семъ случаѣ простирался до 1830 убитыми и 2000 ранеными. Въ числѣ первыхъ, кромѣ Бригадира Рибопьера, было 65 штабъ- и оберъ-офицеровъ, изрубленныхъ большею частію саблями; а между ранеными 3 Генералъ-Маіора и 220 офицеровъ.

Достойно примѣчанія, что изъ всего многочисленнаго Турецкаго гарнизона спасся только *одинъ* человѣкъ, который и принесъ Визирю первую вѣсть о паденіи Измаила. При отраженіи высадки нашей съ флотиліи, онъ былъ раненъ и упалъ въ воду, гдѣ схватясь за плывшую доску, выброшенъ былъ съ нею на другой берегъ Дуная.

Въ числѣ плѣнныхъ находился Сул-

танъ Махсутъ Гирей, Измаильскій Губернаторъ, трехъ-бунчужный Паша и много другихъ Пашей. Храбрый Сераскиръ Адуслу - Паша погибъ самымъ жалкимъ образомъ: засѣвъ въ одномъ крѣпкомъ ханѣ, долго онъ защищался отчаянно; наконецъ принужденъ былъ сдаться съ 2000 оставшихся Янычаръ. За поясомъ у него висѣлъ драгоцѣнный кинжалъ; одинъ егерь хотѣлъ отнять его, но нѣсколько Янычаръ, имѣвшихъ при себѣ еще оружіе, кинулись отогнать дерзкаго, и одинъ изъ нихъ нечаянно поразилъ въ лице Капитана. Тутъ Русскіе въ ожесточеніи кинулись на Турокъ и почти всѣхъ ихъ перекололи, въ томъ числѣ и самаго Сераскира.

Въ крѣпости взято 232 пушки — всѣ почти мѣдныя, великое количество пороху, 340 знаменъ — обагренныхъ кровію, два санджака: Бендерскій и Измаильскій, (*) богатое

(*) Коихъ только 5 во всей Турецкой Имперіи.

и единственное знамя Татарскаго Хана и 7 бунчуговъ. Сверхъ того полное продовольствіе на 6 мѣсяцовъ для 43,000 пѣхоты и конницы, около 10,000 лошадей, опличающихся своею красотою — многія въ богатыхъ приборахъ; купецкіе магазины, полные разнаго рода товаровъ и драгоцѣнности, свезенныя изъ всѣхъ сдавшихся передъ тѣмъ крѣпостей: — всего по оцѣнкѣ болѣе чѣмъ на 10 милліоновъ доспалось въ добычу побѣдителей. Суворовъ, довольный одною славою, не коснулся ни малѣйшей бездѣлки — предоставя все въ пользу войскъ, увѣнчавшихъ его вѣнцемъ безсмертія.

Къ вящшему торжеству Суворова принадлежитъ и то, что онъ воспользовался оставшимися, такъ сказать, часами, способными къ совершенію сего безпримѣрнаго приступа; ибо, еслибъ онъ отложилъ его хотя на однѣ сутки, то долженъ бы былъ отступить безъ всякаго успѣха и

можетъ быть, съ большимъ урономъ и даже безславіемъ. На другой день поднялся съ моря такой сильной шуманъ, что не льзя было почти различать предметовъ въ самомъ ближайшемъ разстояніи, и земля сдѣлалась столь сыра и скользка, что никакъ бы не льзя было осаждавшимъ влѣзать на валы. Туманъ сей продолжался во всю зиму.

Есть однако Писатели, кои ставили въ вину Суворову и самую быстроту сію — причинившую, по ихъ словамъ, *излишнее кровопролитіе*. Но неосновательность сего упрека представляется даже по единому соображенію обстоятельствъ, убѣждающихъ, что продолжительная осада потребовала бы несравненно болѣе жертвъ. Въ оправданіе же согласія Суворова на грабежъ города, приведемъ здѣсь весьма справедливое замѣчаніе одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ Генераловъ: Суворовъ сдѣлалъ сіе, во 1хъ, для пораженія страхомъ

самыхъ варваровъ, разстающихся скорѣе съ жизнію, чѣмъ съ имуществомъ; во 2хъ — можно ли было отказать въ сей единственной наградѣ солдатамъ, оказавшимъ сверхъ-естественныя усилія; наконецъ — можно ли и должно ли было удержать справедливое ожесточеніе войска, имѣвшаго въ виду еще нѣсколько другихъ приступовъ и сраженій?

Екатерина была несказанно обрадована вѣстію о взятіи Измаила. Она щедро одарила В. А. Зубова, привезшаго 11 Декабря первое ей о семъ извѣстіе отъ Суворова. Вскорѣ Кн. Потемкинъ прислалъ Государынѣ ключи Измаильскіе, съ планомъ города и разнаго рода трофеями. Екатерина живо чувствовала вліяніе, какое должны были произвесть сіи блистательные успѣхи надъ недоброжелательствовавшими Россіи Дворами, спаравшимися о пользахъ Порты. „Государь мой, сказала она съ улыбкою „Англійскому Послу Витворту,—Ко-

„роль вашъ хочетъ меня выгнать изъ „Петербурга; надѣюсь, что въ та„комъ случаѣ позволитъ онъ мнѣ по„крайней мѣрѣ переселиться въ Кон„стантинополь.“

Въ память сего приступа, офицеры получили на Георгіевскихъ лентахъ золотые кресты, на подобіе Очаковскихъ, а солдаты серебряныя медали. Суворову прислала Екатерина брилліантовый эполетъ, съ перомъ на шляпу въ 60,000 рублей.

„Благодарю за прекрасный портъ,“ писала между прочимъ къ нему Императрица. И точно Измаильскій портъ заключаетъ многія выгоды предъ другими, лежащими на Дунаѣ. Во первыхъ, суда и магазины купеческіе прикрываются крѣпостію; во вторыхъ, коммерція можетъ быть отправляема во всякое время года, и не смотря на свирѣпствующую въ Турціи чуму, раздѣленіе Дуная выше Измаила на два рукава представляетъ вѣрнѣйшій способъ къ охраненію отъ

тайнаго ввоза товаровъ въ городъ; при томъ рейда довершаетъ сіе удобство, образуя собою стражу на твердой землѣ, гдѣ для сего достаточно одной военной брандвахты.

Нѣтъ сомнѣнія, что при попеченіи Правительства объ отвращеніи многихъ неудобствъ и препятствій, останавливающихъ теперь процвѣтаніе торговли, Измаильскій портъ получитъ такое же преимущество предъ Галацкимъ, какимъ пользовалась въ свое время Россійская Одесса предъ Турецкимъ Аккерманомъ. Самый Галацкій торгъ между Австріею и Турціею, неминуемо тогда перейдетъ изъ Галацъ въ Россійскій портъ, ибо Державы сіи не найдутъ болѣе въ Княжествѣ Молдавскомъ тѣхъ продуктовъ, коими оно предъ симъ ихъ снабжало, и кои всѣ остались въ Россійскихъ владѣніяхъ.

Желательно, чтобъ для поощренія и порядка здѣшней выгодной торговли учреждены были по примѣру

Одессы нѣкоторыя коммерческія заведенія. Главная торговля сего порта заключается съ Константинополемъ и отправляется большею частію купцами Греческой націи. Заходятъ сюда иногда Англійскіе и Австрійскіе корабли. Судовъ здѣшнему порту принадлежащихъ остается только три; но временно торгующіе здѣсь Одесскіе, Херсоньскіе и Крымскіе купцы имѣютъ оныхъ до 20.

Строеніе въ крѣпости весьма незначуще. Кромѣ казенныхъ магазиновъ, пороховыхъ погребовъ и прочихъ зданій, считается 155 партикулярныхъ домовъ и 159 лавокъ. Въ Измаилѣ 4 церкви: главнѣйшая освящена изъ Магометанской мечети.

Въ послѣдній разъ Измаильская крѣпость сдалась на капитуляцію Генералу Зассу, бывъ съ 1806 по 1809 годъ содержана ошъ насъ въ самой тѣсной блокадѣ съ моря и съ сухаго пути и безпрестанно обезпокоиваема бомбардированіемъ. Не смотря

на, то храбрый Пегливанъ часто дѣлалъ изъ нея сильныя вылазки. Наконецъ Измаилъ доказалъ при штурмѣ 1790 года, сколь отчаянно Турки защищаются въ крѣпостяхъ, а послѣднею упорностію—терпѣніе, съ какимъ они сидятъ въ нихъ.

ГОРОДЪ ТУЧКОВЪ.

Въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ крѣпости, на высокомъ берегу Дуная лежитъ городъ *Тучковъ*, составляющій, такъ сказать, форштатъ Измаила. Мѣсто сіе названо симъ именемъ по повелѣнію ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ честь и награду трудовъ и попеченій Генералъ-Маіора Тучкова, стараніями коего городъ сей основанъ, построенъ и населенъ безъ всякихъ издержекъ для казны; болѣе же всего дѣлаетъ чести Сергѣю Алексѣевичу Тучкову то, что благоразумными своими мѣрами успѣлъ онъ привлечь къ переселенію изъ Турецкихъ

владѣній нашихъ Некрасовцевъ, коихъ тщетно всѣ Главнокомандующіе, начиная съ Румянцова до Михельсона, къ тому склоняли, обѣщая имъ всѣ возможныя выгоды. Сіе успѣшное начало подавало надежду, что со временемъ и всѣ Некрасовцы, коихъ болѣе 30,000 полагается у Турокъ, послѣдовали бы сему примѣру, а Россія бы приняла въ свои объятія *заблуждшихся дѣтей*, уважаемыхъ самыми Магомеданами за ихъ презвость и трудолюбіе.

Въ 1810 году положено Тучковымъ основаніе городу. Онъ разбилъ его на отдѣльные участки для разныхъ націй, и построеніе домовъ происходило съ такимъ успѣхомъ, что въ 1812 было уже до 1,700 домовъ, расположенныхъ въ прямыхъ улицахъ. Нынѣ же (*) домовъ въ семъ городѣ находится только 834 и 102 лавки, въ числѣ коихъ есть нѣсколько довольно хорошихъ каменныхъ зданій и два

(*) Т. е. въ 1816 году.

дома, занимаемые полиціею, принадлежащъ обществу. Церквей Греко-Россійскихъ 2, Некрасовскихъ старообрядцевъ 1 и Пилимонская 1. Жителей, состоящихъ изъ разныхъ націй, полагается до 6,795 душъ, считая тутъ же живущихъ въ крѣпости Армянъ и Булгаръ, кои составляютъ между ними самый достаточный классъ людей.

Запрещеніе свободной рыбной ловли, которая составляетъ главную промышленость здѣшнихъ жителей, особливо Некрасовцевъ, привело многихъ въ бѣдное положеніе и было причиною къ обратному бѣгству послѣднихъ за границу. Нынѣ занимаются нѣкоторые изъ жителей скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ, а другіе перебиваютъ торгомъ. Сверхъ того въ городѣ Тучковѣ находятся четыре небольшіе завода: *пивоваренной*, *сафьянной*, *кирпичной* и *красильной*.

Жители не исправляютъ никакихъ повинностей, а содержатъ только

16 человѣкъ десятскихъ. При полиціи находятся 11 чиновниковъ, именно: Полицеймейстеръ, 2 Частныхъ Пристава, 4 Квартальныхъ Надзирателя, Письмоводитель, Переводчикъ и два писца.

Не могу забыть, сколь много забавляла здѣсь меня жалоба, поданная Булгарами, которой поводомъ была, кажется, излишняя ихъ ревность. Отлично отзываясь о мѣстномъ начальствѣ, они жаловались только на солдатъ *Камчатскаго* пѣхотнаго полку, стоящаго у нихъ на квартирахъ, кои заставляютъ женъ ихъ часто *мыть* себѣ ноги, приговаривая, что *этѣ-де ноги не простыя, а были въ Сибири и въ Парижѣ.*

Острова Чаталъ.

Противъ Измаила лежитъ довольно пространный, необитаемый островъ Чаталъ. Онъ примѣчателенъ своими укрѣпленіями, служившими Туркамъ

для сообщенія Измаила съ крѣпостями Тулчею и Сакчею. Въ силу Бухарестскаго трактата положено разрушить всѣ укрѣпленія и не заводить никакого на немъ жилья, а пользоваться подданнымъ обѣихъ Державъ рыболовствомъ, рубкою лѣса и камыша, въ изобиліи растущаго на семъ острову.

(*Продолженіе впредь.*)

ОШИБКИ.

Напечатано:	*Читай:*
Стран. 15 строка 8	
своимъ	свои
Стран. 15 строка 10	
утѣшалъ	устыжалъ